

3. Гребенщикова Е. Г. Философско-методологическое обоснование трансдисциплинарной парадигмы в биоэтике: диссертация доктора философских наук: [Место защиты: Институт философии РАН]. – Москва, 2012. – 282 с.

4. Принцип ответственности : Опыт этики для технол. цивилизации ; Наука как персональный опыт / Ганс Йонас ; пер. И.И. Маханькова. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 479 с.

5. Усольцев В.А. Русский космизм и современность. 3-е изд.- Екатеринбург: УГЛТУ, 2010. – 570 с.

6. Железнов А.С. Ответственность перед будущим, которого нет. Историческая ответственность: от мифов прошлого к стратегиям будущего. Сборник научных статей I международной научной конференции. – Екатеринбург : Деловая книга, 2016. – 214с.

Г.А. Трафимова

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

(Самарский университет)

Технологическое развитие современного общества и, прежде всего, развитие сферы информационных технологий, неизбежно приводит к появлению многочисленных цифровых феноменов. Среди них наибольшую известность получили те, которые связаны с трансформацией экономической сферы общества. Осмысление возможностей современных и перспективных информационно-коммуникационных технологий стало основой для появления цифровых трансформаций в экономике. Становление цифровой экономики - одно из приоритетных направлений для большинства стран, прошедших путь от построения базовой информационно-коммуникационной инфраструктуры до формирования скоординированной политики в этой сфере.

Процессы цифровизации не ограничиваются только экономической сферой, они в той или иной степени проявляются в политической, правовой, социальной сферах, а также в сферах культуры, образования, науки и медиа. С каждым днем множатся примеры того, как процессы цифровизации проявляют себя и на глобальном уровне, и на уровне отдельных стран, социальных общностей и организаций, на уровне межличностных коммуникаций. Именно широкое внедрение цифровизации на различных уровнях социальной системы позволяет говорить о формировании цифрового общества, о появляющихся «цифровых дивидендах» как выгодах от использования новых технологий [1]. При этом важнейшими факторами развития цифрового общества являются не столько технологические, сколько организационные, экономические, политические, социальные и социально-психологические аспекты.

В последнее время особое внимание обращают на себя технологии, получившие наименование «подрывных» (disruptive), — технологии искусственного интеллекта, робототехника, Интернет вещей, технологий беспроводной связи и др. Их внедрение, по оценкам, способно повысить производительность труда в компаниях на 40% [2]. Одновременно это приведет к трансформации целых отраслей экономики и прямо повлияет на снижение или увеличение уровня технологического неравенства.

Примером таких технологий могут служить робототехника и технологии искусственного интеллекта. С точки зрения глобальных технологических трендов, развитие робототехники и искусственного интеллекта может стать новой технологической гонкой XXI века, поскольку эти сферы осознаются в качестве драйвера экономического роста, инструмента повышения качества жизни людей. При этом исследования показывают увеличение вероятности массовой ликвидации рабочих мест вследствие автоматизации и роботизации [2;3]. Согласно экспертным оценкам, при благоприятных обстоятельствах, около половины рабочих мест в мире и в России может быть автоматизировано к 2025—2035 гг. [4, с. 2]. Однако в разных странах и регионах потенциал автоматизации и социальные последствия этого процесса существенно различаются, например, страны, которые инвестируют существенные средства в робототехнику, теряют меньше рабочих мест, чем те, кто этого не делает. Создание роботов и робототехнических систем приводит не только к сокращению рабочих мест, но и к появлению новых, преимущественно, высокотехнологичных. Так, страны с самым высоким уровнем роботизации промышленности (Китай, Япония, Южная Корея, США, Германия, Тайвань) имеют самый низкий уровень безработицы. В этом плане крайне важно принятие перспективных программ трансформации рынков труда с учетом не только экономических, политических, технологических трендов, но и с учетом демографических, социально-психологических и социально-культурных факторов общественного развития. При этом одним из факторов, которые необходимо учитывать – фактор технологического и цифрового неравенства.

Понятие цифрового неравенства первоначально получило известность в виде термина «цифровой разрыв» (digital divide), который начал широко использоваться после публикации серии отчетов Национального управления по телекоммуникациям и информации Министерства торговли США, начиная с конца 1990-х гг. В этих отчетах был показан разрыв между теми, кто имеет и кто не имеет доступа к новым технологиям и делался вывод о появлении новой проблемы в области экономических и гражданских прав людей [5].

В настоящее время выделяют следующие виды измерения цифрового разрыва как формы неравенства: технологическое, социальное, экономическое. Остановимся на примере социального измерения, когда цифровой разрыв рассматривается в зависимости от социального статуса, культурных и политических особенностей, географической локации и т.д. При таком подходе факторами, ограничивающими доступ к цифровым технологиям рассматриваются уровень доходов и образования, возраст, территория

проживания. В свою очередь, понятие «цифровой разрыв второго уровня» (second-level digital divide) под вторым уровнем неравенства подразумевает различия в цифровых навыках людей и, как следствие, в цифровой компетентности. Так, исследования начала 2000-х гг. показали, что более высокий уровень образования позволяет использовать доступ к цифровым технологиям более эффективно с точки зрения профессиональных и социальных перспектив [6].

О цифровом неравенстве в зависимости от территории проживания и имеющихся доходов свидетельствуют результаты социологических опросов компании Gallup. Так, проведенные в конце 2019 г. и начале 2020 г. опросы показали, что в целом по миру 56% взрослых людей сообщили об имеющихся у них возможностях выхода в Интернет [7]. Однако по разным территориям этот доступ остается довольно неравномерным. Если в США и Канаде в 2019 г. доступ к Интернету имели 94% опрошенных, то в странах ЕС – 87%, в странах Ближнего Востока и Северной Африки – 63%, а в странах Южной Азии – 21%. При этом основным средством получения доступа в Интернет для жителей стран с низким и средним уровнем дохода являются мобильные устройства. В то же время, по данным исследователей, в развитых странах на 100 жителей приходится в два раза больше домашних хозяйств с компьютером, чем в развивающихся странах.

В этом плане можно говорить еще об одном аспекте цифрового неравенства, поскольку наличие домашних компьютеров, имеющих доступ в Интернет, позволяет людям иметь дистанционную работу. Но подключение к Интернету только через мобильное устройство может не позволить удаленно работать или учиться. Таким образом, возможность или невозможность иметь дистанционную работу становится одной из форм социального неравенства в современном обществе.

Эта проблема широко проявляет себя в настоящее время, когда множество работников в различных странах мира переведены на дистанционную форму работы, а учащиеся – на дистанционное обучение. Кроме того, все чаще проявляется и социально-психологический аспект дистанционной работы и дистанционного образования. Часть дистанционных сотрудников проявляют недовольство такой формой работы, испытывая дискомфорт и негативные психологические последствия.

Общественный резонанс вызывает использование цифровых сервисов для организации социальной жизни в период эпидемии коронавируса. Так, в условиях эпидемии коронавируса в ряде российских регионов апробируется система цифровых пропусков для передвижения людей. Предполагается, что человек, получивший посредством Интернет-портала региональной власти уникальный ID (QR-код), получает возможность передвигаться по определенной территории с помощью личного и общественного транспорта. В свою очередь, те, кто по каким-либо причинам не смогли получить подобный пропуск, лишаются возможности такого передвижения. Одновременно значительная часть жителей (например, государственные и муниципальные

служащие) избавлена от необходимости получать «цифровые пропуска» [8]. Поскольку заложенная в этой логике система неравенства связана с возможностью использовать цифровые сервисы, речь идет об очередной форме цифрового неравенства. Помимо этого, проблему обостряет вероятность массовой утечки персональных данных при использовании этой системы и рассмотрение ее как формы «цифровой диктатуры».

Многие инструменты цифрового контроля массово не используются в настоящее время только по политическим и правовым причинам. В этом плане у различных государств есть собственный опыт, который будет трансформировать и систему государственного управления, и систему социальных институтов. Несомненно, что в ближайшее время процессы цифровизации будут еще более масштабными, а цифровая трансформация затронет все новые сферы. При этом результаты цифровых трансформаций во многом будут зависеть от того, каким образом будет решаться проблема существования различных форм цифрового неравенства.

Литература

1. World development report 2016: Digital dividends. Washington, DC: World Bank. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR2016Overview-RUSSIAN-WebRes-Box-394840B-OUO-9.pdf> (дата обращения 20.03.2020).
2. Digital economy report 2019. Value creation and capture: implications for developing countries. Unctad. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_en.pdf (дата обращения: 15.03.2020).
3. Зоргнер А. Автоматизация рабочих мест: угроза для занятости или источник предпринимательских возможностей? // Форсайт. 2017. Т. 11. № 3. С. 37–48. [Электронный документ]. URL: <https://foresight-journal.hse.ru/2017-11-3/209596174.html> (дата обращения 20.03.2020).
4. Земцов С. Роботы и потенциальная технологическая безработица в регионах России: опыт изучения и предварительные оценки // Вопросы экономики. 2017. №7. С.1-16.
5. Falling Through the Net: A Survey of the Have Nots in Rural and Urban America. July 1995. URL: <https://www.ntia.doc.gov/ntiahome/fallingthru.html>; Falling Through the Net II: New Data on the Digital Divide. July 1998. URL: <https://www.ntia.doc.gov/report/1998/falling-through-net-ii-new-data-digital-divide> (дата обращения 20.03.2020).
6. Robinson J.P., DiMaggio P., Hargittai E. New Social Survey Perspectives on the Digital Divide. IT&Society, Vol. 1, Issue 5, Summer 2003, PP. 1-22. URL: <http://www.ITandSociety.org>
7. Internet Access at New High Worldwide Before Pandemic. URL: https://news.gallup.com/poll/307784/internet-access-new-high-worldwide-pandemic.aspx?utm_source=alert&utm_medium=email&utm_content=morelink&utm

m_campaign=syndication&fbclid=IwAR111NUfFIJvvWixV4ULsvRaXHytJWglQ4bTwqBjseUdfu6-PaNuLs3FSnY (дата обращения 09.04.2020).

8. Указ Мэра Москвы № 43-УМ от 11.04.2020 «Об утверждении Порядка оформления и использования цифровых пропусков для передвижения по территории города Москвы в период действия режима повышенной готовности в городе Москве» [Электронный документ].

9. URL: [https://www.mos.ru/upload/documents/docs/43-UM\(2\).pdf](https://www.mos.ru/upload/documents/docs/43-UM(2).pdf) (дата обращения 11.04.2020).